

Монастыри и церкви

А. В. Филимонов

Спасо-Елеазаровский монастырь в первые послереволюционные годы

Октябрь 1917 г. внёс радикальные перемены в жизнь Русской Православной церкви, в общественно-государственный статус монастырей. Согласно Декрету о земле церковь и монастыри лишались земельной собственности, национализация в декабре 1917 г. частных банков, где духовенство имело вклады, поставила под контроль государства церковные капиталы, а начавшаяся с конца того же года национализация промышленности упразднила и принадлежавшие церкви предприятия (например, свечные заводы). Черту этим мероприятиям подвёл 23 января (5 февраля) 1918 г. Декрет СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Хотя в Декрете подчёркивалось, что «знания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются... в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ»¹, любое церковное или монастырское здание по усмотрению местных властей могло быть занято для общественных целей, а имущество изъято.

Все эти законодательные акты имели серьёзные последствия и для Спасо-Елеазаровского мужского монастыря, расположенного на территории Псковского уезда, в 27 верстах от Пскова. После Октября 1917 г. он в одночасье лишился своих земельных владений, но оставался действующим. А вскоре он оказался в водовороте бурных событий. Начавшееся в феврале 1918 г. германское наступление на Петроград и подписание 3 марта Брестского мирного договора имело следствием оставление Пскова и части территории губернии под властью

Филимонов Анатолий Васильевич — кандидат исторических наук, профессор, зав. кафедрой русской истории ПсковГУ.

немцев. Вдоль демаркационной линии были установлены посты, призванные охранять с советской стороны образовавшуюся границу. В приграничной полосе — в районе Луги, Гдова и Новоселья находился конный полк под командованием бывшего ротмистра С. Н. Булак-Балаховича, в задачу которого входило подавлять в этом районе антисоветские выступления. Один из эскадронов этого полка под командование бывшего поддесаула Пермикина призван был охранять границу в районе Пскова и расположился в Елеазаровском монастыре, заняв часть его помещений². Другие же из них оказались занятыми для иных нужд. Так, учителем Миловым в монастырской трапезной была открыта школа. Во избежание возможного расхищения и порчи имущества был назначен «командир по охране имущества Елизаровского монастыря», каковым оказался Ефрем Никитин³. Но полностью избежать злоупотреблений со стороны красноармейцев (не только стоявших непосредственно в монастыре, но и в других близлежащих местах) не удалось, что дало повод немцам обвинять их в мародерстве.

Так, об этом писала выходившая в Пскове оккупационная газета «Псковский вестник». 30 апреля 1918 г. в заметке «Окрестности Елизарова» она сообщила следующее:

«По словам одного прибывшего из этих мест крестьянина, красногвардейцы не оставляют без внимания Елеазаровский монастырь. Правда, пока они не грабят его вполне, подобно тому, как ограбили Крыпецкий монастырь, но реквизируют пока только монастырский скот, и то не сразу, а берут по одной корове. Удивительно то обстоятельство, что красногвардейцы вынуждены при-

бегать к реквизициям. Неужели они не обеспечены правительством продовольствием? У крестьян красногвардейцы могут пожить немногим, т. к. крестьяне тех деревень не богаты, и большинство бедствуют. Некоторые из крестьян вследствие голодовки задумали покинуть свои голодные места и переселяться куда-либо в более урожайные места. Некоторые даже решили ехать в Сибирь, распродали своё имущество и земли и выехали из деревень»⁴.

Менее чем через три недели в газете появилась новая заметка — «Красногвардейцы в Елизаровском монастыре». «Красногвардейцы из Торошина не оставили в покое Елизаровский монастырь, — писалось в ней. — В течение Великого поста они не раз посещали его с целью реквизиции продуктов. Забрали из кладовых половину хранящихся там запасов муки и крупы и весь запас печёного хлеба. На скотном дворе взяли 8 коров ценой 800–1000 руб. каждая, из конюшни увезли 4 лошади, для прокормления их увезли два воза сена. Затем решили отобрать от монастыря монастырские земли, но крестьяне согласились взять только один участок, прилегающий к их деревне.

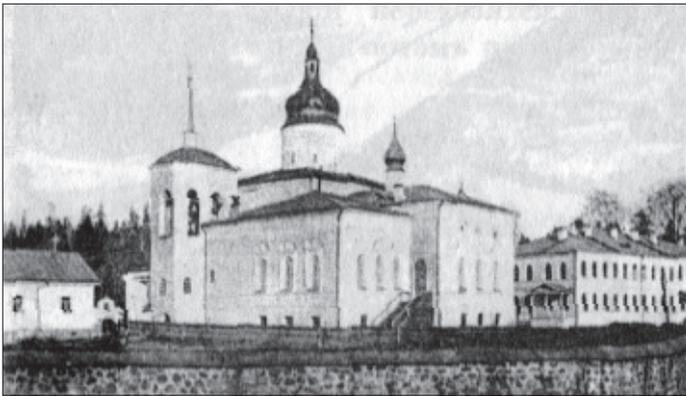
После этого они решили вмешаться во внутренние порядки в монастыре. Они пересчитали живущих в обители монахов — оказалось 60 человек. Признали, что это слишком много и решили уменьшить. Они отобрали 24 монаха помоложе возрастом и приказали им уходить из монастыря, куда им угодно. В числе этих 24 находились монахи с Украины, посоветовали ехать туда. В монастыре оставили 36 монахов-стариков, не способных к физическому труду. Такое вмешательство во внутреннюю жизнь монастыря не понравилось окрестным крестьянам, уважающим древнюю обитель. Они открыто заявили, что не допустят разгона монахов, а также дальнейшего разбора скота и продуктов, в случае противном вооружатся и будут защищать монастырь. Красногвардейцы, зная, что у многих крестьян есть ружья с патронами, убоялись вступить в бой и оставили монастырь в покое»⁵.

Подобные злоупотребления, а также открытые грабежи крестьян и насилия по отношению к ним со стороны Булак-Балаховича

и его подчинённых вызывали законные подозрения у советских работников, поток жалоб со стороны населения. И после того, как с 10 октября 1918 г. при содействии германского командования в Пскове началось формирование белогвардейского Псковского корпуса, Булак-Балахович сделал свой выбор. 16 октября Балахович собрал в Елизаровском монастыре совещание, на котором присутствовали многие офицеры полка и начальник Чудской озерной флотилии капитан 2-го ранга Нелидов. На совещании был принципиально решен вопрос о переходе полка и Чудской флотилии на сторону белых. 26 октября эскадрон под командованием Пермикина снялся в места стоянки в Елизаровском монастыре и взял направление на Псков. Перед этим, по некоторым сведениям, он убил большевика, прибывшего в монастырь для ведения партийно-политической работы. Днём раньше на сторону противника перешёл Булак-Балахович, а 28 октября и начальник Чудской флотилии Нелидов⁶.

Вскоре они стали совершать набеги на подконтрольные Советам территории за демарклинией, наиболее известным из которых был налёт на Талабские острова. «26 октября белогвардейские организации Псковского района предприняли активное выступление, высадившись на Талабских островах (Псковское озеро), где были ими арестованы местные советские власти, — доносил военный комиссар Петроградского округа... — 27-го, вследствие естественной слабости охраны завесы, белогвардейцам удалось произвести высадку и занять Елизарьевский монастырь. 28-го подошедшими подкреплениями они были выбиты из монастыря...». Белогвардейцами Пермикина во время налета были убиты Никитин и Мирон, чьи имена впоследствии стали носить созданные в помещениях монастыря учхоз и Народный дом⁷.

Впоследствии, в период наступления белых на гдовском направлении в мае 1919 г. Елизаровский монастырь снова был занят отрядом Булак-Балаховича, который через несколько дней после занятия Пскова белоэстонцами вошел в город. Монастырь, таким образом, оказался в тылу у белых, и снова использовался в качестве места их постоя. Позднее некто В. А. Артамонов вспоминал о

Спасо-Елеазаровский монастырь

следующем факте, связанном с монастырем. Накануне освобождения города от белых, 24 августа 1919 г. группу арестованных красноармейцев и советских активистов вывели из псковской тюрьмы и погнали по Гдовскому шоссе. «Арестованных пригнали в Елизарьев монастырь, где, свернув направо на площадь, остановили, — писал он. — По списку вызвали 11 человек, взятых в плен, и повесили их в лесу за мельницей...»⁸. Боевые действия в окрестностях Елизарова завершились только осенью 1919 г. Наступили мирные дни, но не закончились испытания для монастыря.

Он находился в ведении губОНО, а с открытием в Пскове Института народного образования (октябрь 1919 г.) здесь был организован его учхоз с 50 дес. земли. Проходили в учхозе практическую часть обучения студенты факультета естествознания. Но с последним уже весной 1921 г. дело приняло совершенно неожиданный оборот. Губздравотдел, сочтя необходимым открыть губернский дом «для дефективных детей», т. е. больных туберкулезом, наиболее подходящим для него местом посчитал принадлежавший ИНО совхоз «Елизарово» и ходатайствовал перед губисполкомом о передаче от него части бывших монастырских помещений и земли: «для того, чтобы заставить дефективных детей работать». Впервые губздравотдел инициировал вопрос в апреле 1921 г., но губисполком по его ходатайству решения сразу не принял. Однако уже в июле он заслушал доклад комиссии «по улучшению жизни детей» и постановил поместить «детский изоляционный пункт в совхозе Елизарово». Для этого за «домом дефективных детей» закреплялись часть дома, кухня и столовая, остальные же помещения оставались за учхозом ИНО⁹.

Но институту такое соседство явно не импонировало, поэтому руководство его решило продолжать борьбу за сохранение Елизарова исключительно за ним. 6 сентября 1922 г. вопрос обсуждался на коллегии губОНО, и ректор ИНО В. К. Гринкевич заявил, что «институт очень заинтересован в совхозе... и находит, что сожительство в совхозе с домом дефективных детей невозможно, и поэтому вопрос должен быть поставлен так: или в совхозе будет ИНО, или же дом дефективных детей... Ввиду того, что в монастыре

есть монахи, дефективные дети могут попадать под их влияние...». Ректора поддержал декан естественно-географического факультета Н. А. Эрн: «На 1-м курсе в 1922 г. будет около 100 чел. Если в будущем году предстоит ехать в Елизарово, то с помещением туда детдома помещений для ИНО будет мало... Если туда допустить дефективных, то институт потеряет все, ранее сделанное там». Но решение коллегии губОНО было неумолимым: «провести в жизнь постановление губисполкома о передаче совхоза «Елизарово» губОНО», а «ИНО имеет право апелляции о недопущении в совхоз дефективных детей, а только детсада нормальных»¹⁰.

Следовательно, значительная часть монастырских зданий ему уже не принадлежала, а была занята другими учреждениями. В период кампании по изъятию церковных ценностей 1921–1922 г. монастырь лишился и своих богатств, но он оставался всё ещё действующим. А в октябре 1923 г. Псковский губисполком, «считая особенно вредным расположение в пограничной полосе Елизаровского монастыря, в котором наблюдались случаи укрывательства подозрительных лиц, перебравшихся через границу», принял постановление о его закрытии¹¹.

После этого граждане 16 деревень Остенской волости, расположенных поблизости от Елизарова, возбудили ходатайство о сохранении в качестве действующей монастырской церкви — в виде приходского храма, а также снабжении её утварью бывшей ризницы для совершения богослужений. Но, как и следовало ожидать, это прошение было встречено в штыки административными органами и властными структурами. Губисполком в этом отказал, после чего последовало обращение во ВЦИК, и началась полоса переписки.

«Псковский губернский отдел ОГПУ сообщает, что Елизаровский монастырь находится в пограничной зоне, в нескольких верстах от эстонской границы на правом берегу Псковского озера, вследствие чего близость границы сокращается, — говорилось в письме начальника отдела А. С. Невернова губисполкому от 4 февраля 1924 г. — Церковь, о которой идёт речь, находится внутри монастыря, и если в нем разместить школу, а церковь оставить за приходом, то служите-

ли культа, те же монахи, имеют возможность тесного общения с учениками. Посещаемость церкви слишком мала, ибо прихода почти не имеет, кроме десятка кулаков, и находившиеся там монахи существовали не от церкви, а от спекуляции на окруженной ореолом святости иконы, которую зимой (в большинстве случаев) разносили по уезду, и вырученные от этого средства поддерживали монахов круглый год.

Ходатайство, возбуждённое приходом (верующими), по имеющимся сведениям юридически правильно потому, поскольку монахи под моральным давлением закрепили его подписями крестьян (верующих), инициатива же целиком принадлежит монахам, следовательно, если ходатайство не удовлетворить (что и сделано Президиумом губисполкома от 14.XI.23 г., п. 31), верующие от этого не пострадают и выполнять культовые обряды могут в соседних церквях, что и делают в настоящее время.

Монашествующие этого монастыря до его закрытия представляли сплочённую группу недоброжелателей Советской власти, имели непосредственное сношение с Печорским монастырём, расположенным на территории Эстонии, через самих же монахов и крестьян контрабандисты получали оттуда контрабандным путём различные сведения антисоветского характера и насаждали в губернии самые нелепые слухи, например: Николай II жив, власть к весне, к осени или на будущий год падет и т. п., вследствие этого крестьянство окружных деревень находилось в напряжённом состоянии. Кроме того, в монастыре пребывали в разное время темные личности. В бытность белых на территории Псковской губернии монастырь вмещал воинские части по приглашению монахов, вследствие этого в 1920 г. 8 чел. по приговору военного трибунала расстреляны. В 1923 г. имел место случай: из Москвы приехал некто и остановился в монастыре, проживал там нелегально до момента ареста, как выяснилось, несколько раз судимый в Москве тихоновский епископ Гурий, по всей видимости намеревавшийся перебраться за границу (факт передачи им сведений в Эстонию не установлен, но предположительно был). В настоящее время установлено, что 4 чел. из числа 19 монахов

имели царский воинский чин, а один из них укрылся в монастыре уже в революционное время, с целью избежать мобилизации со стороны Советской власти.

Вышеприведённое наблюдается и в шести других монастырях, поэтому губотдел ставит целью закрыть не только монастырь в пограничной зоне (Елизаровский), но вообще монастыри, как рассадники контрреволюции. Церковь же в данном случае не может быть дана монахам, ибо получив церковь, они будут все группироваться вокруг неё, что никоим образом несовместимо с преобразованием б. монастыря в школу (или коммуну). Охрана и ремонт зданий подлежит разрешению губисполкома, по мнению губотдела ГПУ, возлагается на губмузей».

Ближние доводы приводил и административный отдел, заметивший, что «религиозные потребности заявителей вполне удовлетворяются, т. к. на расстоянии 3–4 верст находится зарегистрированная Толбицкая церковь, а это заявление — попытка возродить прежний монастырь», в помещениях которого «в настоящее время находится учхоз губОНО, и в силу имеющихся декретов центра полагать невозможным открыть наряду с учхозом церковь бывшего монастыря».

Губисполком, опираясь на указанные документы, 8 февраля 1924 г. вторично отказал верующим в открытии церкви. Через 10 дней, 14 февраля это решение подтвердил ВЦИК¹². Ходатайство верующих, таким образом, не возымело действия, и отныне в Елизарове окончательно прекратилась не только монастырская жизнь, но и богослужения. В сентябре 1924 г. губисполком совместно с ГубКК, обсудив вопрос «о целесообразности использования бывших имений», записали: «Елизарово, совхоз бывшего монастыря с площадью 120 дес., из них 59,5 дес. пашни. Имеются старые монастырские здания, в настоящее время в ведении губОНО», а решение их было следующим: «Оставить в ведении губОНО, как хозяйство, имеющее музейное значение»¹³. Вскоре в Москву были высланы фотоснимки, демонстрирующие «использование молитвенных зданий в Елизаровском монастыре»¹⁴.

Закрытая церковь, однако, в течение ряда лет никак не использовалась, хотя уже

в 1924 г. предполагалось оборудовать в ней Народный дом, а открытие его приурочить к очередной годовщине Октября. Но поскольку не было чётких директив об использовании бывших культовых зданий для культпросветнужд, то церковь пустовала. «Всего в монастыре имелось две церкви: каменная, двухэтажная из двух приделов, вторая — деревянная, на горе у кладбища, — говорилось в справке губисполкома. — Они закрыты постановлением губисполкома, что подтвердил ВЦИК. До 1926 г. церкви находились в запечатанном виде и никак не использовались несмотря на то, что было крайне необходимо использование под культпросветнужды... Один придел каменной церкви сдан в распоряжение Псковского волисполкома для Народного дома., второй придел каменной церкви и деревянная церковь переданы в распоряжение УОНО под школу и красный уголок. Деревянная церковь уже занята, второй придел каменной церкви будет занят после освобождения от церковного имущества»¹⁵.

Тем временем, пока церковь находилась без использования, в марте 1925 г. из неё была изъята и передана в Псковский музей одна из «чудотворных» икон, ранее «привлекавшая массу молящихся крестьян»¹⁶. Вскоре Псковский уком РКП(б) выступил с новой инициативой. «В монастыре находятся мощи, вызывающие религиозный экстаз у верующих и настроение у передовых крестьян, требующих вскрытия мощей, — доложил 8 апреля 1925 г. побывавший в Елизарове работник. — Причём, мощи никем не охраняются: в стенах — брешь, допускающая свободный доступ...». А поэтому уком просил губком РКП(б) «создать соответствующую комиссию из партийных и советских организаций, представителей крестьян и науки для вскрытия мощей». Но губернский комитет партии смотрел на это более здраво, и 18 апреля посчитал «вскрытие мощей закрытого монастыря нецелесообразным за отсутствием необходимости по политическим соображениям»¹⁷. В январе 1927 г. уком РКП(б), однако, принял новое постановление: «Учитывая, что нахождение церковных предметов в полном беспорядке известно населению и

может оскорблять религиозные чувства части крестьянского населения, предложить фракции уисполкома в срочном порядке ликвидировать оставшееся церковное имущество монастыря. Предложить Псковскому волкому РКП(б) повести широкую антирелигиозную работу среди населения, руководствуясь соответствующими указаниями ЦК, привлекая к этой работе ячейку ВЛКСМ ШКМ»¹⁸. Судьба имущества, рекомендованного к «ликвидации», остаётся неизвестным: то ли оно было уничтожено, или же распределено для использования различными организациями...

Примерно в то же время церковь, наконец, перестала быть бесхозной: 24 января 1927 г. губисполком удовлетворил ходатайство шефского общества губсуда «о предоставлении закрытой церкви в с. Елизарове для оборудования Народного дома». «Имеющуюся в Елизаровском монастыре церковь общим собранием Великопольской ячейки ВКП(б) совместно с крестьянами и шефом от завода «Металлист» постановлено оборудовать под Народный дом, — сообщал «Псковский набат». — Шеф на это отпустил 75 руб. В церкви идёт ремонт, закрашиваются святы»¹⁹.

Народный дом в помещении бывшей церкви вскоре начал функционировать, а в августе 1929 г. появилось намерение использовать её по другому назначению. Бюро Псковского райкома ВКП(б), обсудив просьбу «о предоставлении бывшего собора Елизаровского монастыря под мастерские для ШКМ Великосельского сельсовета», постановил «подработать вопрос в части использования собора»²⁰. А в следующем, 1930 г. в монастырских помещениях решено было организовать летний лагерь отдыха для пионеров Пскова, где должны были отдохнуть в течение лета до 600 детей²¹.

Судьба Спасо-Елеазаровского монастыря, таким образом, после 1917 г. оказалась во многом типичной: закрытый властью по политическим мотивам, он прекратил существование в качестве монастырской обители, и стал просто «помещением», используемым различными учреждениями и организациями.

Примечания

- ¹ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 373.
- ² *Корнатовский Н. А.* Борьба за Красный Петроград. М., 2004. С. 51.
- ³ Псковский набат. 1924. 15 ноября.
- ⁴ Псковский вестник. 1918. 30 апреля.
- ⁵ Псковский вестник. 1918. 18 мая.
- ⁶ *Корнатовский Н. А.* Указ. соч. Сс. 47–54.
- ⁷ Крах германской оккупации на Псковщине. Сборник документов. Л., 1939. С. 135; Псковский набат. 1924. 15 ноября.
- ⁸ Великая оборона Красного Петрограда (1919). Воспоминания рабочих, работниц, крестьян, красноармейцев, краснофлотцев, курсантов. Л., 1929. С. 74.
- ⁹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). ф. 590. оп. 1. д. 712. л. 3; д. 716. лл. 242, 256; д. 717. л. 123; Псковский набат. 1921. 28 июня.
- ¹⁰ Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 1. оп. 4. д. 39. л. 98.
- ¹¹ ГАПО. ф. 590. оп. 1. д. 977. л. 153; Псковский набат. 1923. 16 октября.
- ¹² ГАПО. ф. 590. оп. 2. д. 85. л. 153–154; д. 86. л. 15, 253–255; оп. 1. д. 1327. л. 119.
- ¹³ ГАНИПО. Ф. 2. оп. 1. д. 254. л. 67; ГАПО. ф. 203. оп. 1. д. 41. л. 7.
- ¹⁴ ГАПО. ф. 590. оп. 2. д. 109. лл. 95–96.
- ¹⁵ Там же. Л. 100.
- ¹⁶ Псковский набат. 1925. 26 марта.
- ¹⁷ ГАНИПО. Ф. 9. оп. 1. д. 192. л. 109; ф. 1. оп. 1. д. 378. л. 112.
- ¹⁸ ГАНИПО. Ф. 9. оп. 1. д. 216. л. 2.
- ¹⁹ ГАПО. ф. 590. оп. 1. д. 1628. л. 508; Псковский набат. 1926. 12 сентября; 1927. 24 июля.
- ²⁰ ГАНИПО. Ф. 7. оп. 1. д. 23. л. 64 об.
- ²¹ Псковский колхозник. 1930. 13 июня.